

6. Жеребкина И. Постмодернизм, психоанализ и гендерная теория: развитие концепции субъекта [Текст]: Дис... д-ра филос. наук 09.00.04. – Харьков, 2002. – 398 с.
7. Жуляй В. Любов як соціальна цінність особистості в суспільних відносинах [Текст]: Дис... канд. філос. наук: 09.00.03 / Інститут філософії ім. Г. С. Сковороди НАН України / Вероніка Жуляй. – К., 2003. – 166 с.
8. Ивеков А. Проблема личности постмодерна: кризис культурной идентификации [Текст] / Аркадий Ивеков. – СПб: СПбГУ, 2008. – 244 с.
9. Ильин Е. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины [Текст] / Евгений Ильин. – СПб : Питер, 2007. – 544 с. ил.
10. Карина Е. Виртуальная реальность: онтологический статус [Текст] дис... канд. філос. наук: 09.00.01. – Харьковский национальный университет радиоэлектроники / Елена Карина. – Х., 2004. – 172 л.
11. Морозов А. Любов як проблема трансценденції «ось-буття» / А. Морозов. – [Електронний ресурс]. – Режим доступу http://www.nbuu.gov.ua/Portal/soc_gum/Vnau_f/2009_1/morozov.pdf
12. Никишина Н. Любовь – как форма экзистенции личности [Текст]: дис... канд. філос. наук: 09.00.04 / Горловский государственный педагогический институт иностранных языков / Наталья Никишина. – Горловка, 2006. – 191 л.
13. Радченко, О. Етичний релятивізм у філософії постмодернізму [Текст]. Автореф. дис... канд. філос. наук: 09.00.07 / О. Б. Радченко. – Київ, нац. ун-т ім. Т.Шевченка. – К., 2005. – 16 с.
14. Ружмон Д. Любов і західна культура [Текст] / Д. Ружмон. – Львів: Літопис, 2001. – 304 с.
15. Татарковский М. Акмеология: Эрос и личность, форма души [Текст] / Маркс Татарковский. – М.: Панорама, 1992. – 320 с.
16. Шишмагина Л. Любовь как предмет филосовского дискурса (социально-философский анализ феномена) [Текст]: дис... канд. філос. наук: 09.00.03 / Донецкий национальный технический университет / Лилия Шишмагина. – Донецк, 2007. – 121 л.

Надійшла до редколегії 27.01.11

УДК 101.8

А. П. Шаповал

Хмельницька гуманітарно-педагогічна академія

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА НА ТЕОРИИ ПОСТИНДУСТРИАЛИЗМА И ПОСТМОДЕРНИЗМА

Розглядається вплив економічного кризи на теорії постіндустріалізму та постмодернізму. Виясняється, що визначення сучасної епохи як переходій від індустріалізму до постіндустріалізму наштовхується на

проблему ідентифікації суспільства. Виробництво інформації та знань замагає визначення соціальних сил, які будуть їх виробляти та споживати.

Ключові слова: постіндустріалізм, постмодернізм, криза, інформація, знання.

Рассматривается влияние экономического кризиса на теории постиндустриализма и постмодернизма. Выясняется, что определение современной эпохи как переходной от индустриализма к постиндустриализму насыщается на проблему идентификации общества. Производство информации и знаний требует определения социальных сил, которые будут их производить и потреблять.

Ключевые слова: постиндустриализм, постмодернизм, кризис, информация, знания.

In article influence of an economic crisis on theories postindustrialism and a postmodernism is considered. It is found out that definition of a modern epoch as transitive from industrialism to postindustrialism will come across a problem of identification of a society. And manufacture of the information and knowledge, as basic resources of the postindustrial world, demands definition of social forces which will make and consume them.

Keywords: postindustrialism, postmodernism, crisis, information, knowledge.

Последние два десятилетия в философской, экономической и социологической мысли доминировал лейтмотив выхода человека за пределы материального производства и стремление перенести его основные интересы в сферу культуры. Просматривалось острое желание уйти от классовой оценки состояния общества и показать, что современное общество в значительной мере сконцентрировано не на материальном производстве, производстве товаров, а на развитии сектора услуг и информации, на производстве знаний. Теоретическое рассмотрение и обоснование этих идей было представлено в рамках таких течений как постиндустриализм и постмодернизм, которые указывали на то, что с конца 50-х гг. – западный мир и с начала 90-х постсоветский, постсоциалистический мир вступили в период перехода в постиндустриальную эпоху, а в области культуры в эпоху постмодерна. Теоретическое содержание этих течений хорошо представлено в работе В. Л. Иноземцева «Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы» [3, с. 1–303].

Информация и знания в устах постиндустриалистов и постмодернистов приобрели характер принципиально нового ресурса, неисчерпаемого ресурса, источника нововведений, основы экономического и социального прогресса общества. При этом проблема идентификации самого общества и условий, в которых использовался этот ресурс, все равно стояла на повестке дня. Как отмечал Жан-Франсуа Лиотар: «... мы не можем знать, что считается знанием, т. е. с какими проблемами развития и распространения знания мы встречаемся сегодня, если ничего не знаем об обществе, в

котором оно помещается. И сегодня, как никогда ранее, узнать что-либо об обществе означает, прежде всего, выбрать способ постановки вопроса, который так же является способом получения ответа» [4, с. 40].

Действительно, проблема постановки правильного вопроса о сущности того общества, в котором мы живем, стала определяющей в наше время. Особенно после прогремевшего очередного экономического кризиса. Что правит этим миром? Куда он движется? На основании чего? Вот далеко не полный перечень вопросов, выяснение которых стало актуальным в наше время. Ответы на них могли бы продвинуть нас в понимании современного общества, его проблем и путей развития.

Вот, например, Ю. Хабермас отмечает, что: «... капиталистическое общество опирается, с одной стороны, на экономический механизм, соподчиняющий действия индивидов, а с другой – на экономическую легитимность, становящуюся основой для политической и юридической практики» [3, с. 34]. И.Шумпетер также подчеркивает, что: «... буржуазное общество выступает в исключительно экономическом обличье» [3, с. 34].

Непрерывный мировой экономический рост продолжавшийся от окончания Второй мировой войны вплоть до кризиса 2008–2009 гг. создал впечатление, что стабильность западного мира будет вечной. Что не существует таких угроз, которые могли бы поколебать этот мир. События, которые произошли в последние годы в мировой экономике и политике, показали призрачность этих надежд. Выяснилось, что самая главная угроза западному миру – это он сам, вернее его противоречивый, политический и экономический строй, регулярно порождающий кризисы. В ходе последних двух кризисов (2000–2001 и 2008–2009 гг.) стало очевидным, что основа западного мира, за которую считали прогресс технологий и развитие личности, в действительности таковой не является. Настоящая основа западного мира это капиталистический, общественно-экономический строй. А проще говоря – капитал, понимаемый как общественное отношение. Это он требует, в определенные периоды своего развития, прогресса техники и технологии. И это он разъединяет людей до состояния отдельных, изолированных, атомарных субъектов – разъединенных и разобщенных личностей. Никакая это не основа – это беда данного строя.

Призрачными оказались и надежды на творческий потенциал отдельно взятой личности, который должен был стать основой постиндустриального общества и который должен был быть способен уберечь его от всяческих катаклизмов. Только этого не произошло. Общество, называемое постиндустриальным, как и раньше переживает кризисы, войны, региональные конфликты, голод и нищету. А отдельные творческие личности: гении, харизматические лидеры, творцы, новоявленные пророки и т.д., по-прежнему пребывают в пленах собственных иллюзий. Они сидят и покорно ждут (варяются в «собственном соку») этого момента, когда им позволят осчастли-

вить своим творческим потенциалом остальных членов общества, а проще говоря, используют их в нужный момент. Сам по себе творческий потенциал личности – прекрасный ресурс и, наверное, был бы хорошим основанием для постиндустриального общества, если бы правильно понималась его природа, и, соответственно этой природе, были созданы условия для его развития. А то ведь в реальности получается так, что раскрывается этот потенциал только тогда, когда есть на него спрос. Когда это выгодно капиталу. Если служит его раскрытие делу самовозрастания стоимости. Если же капиталу не выгодно, то этот потенциал бесцельно растративается и безжалостно уничтожается. А если он все-таки пробивается где-то, то это происходит не «благодаря», а «вопреки» сложившимся условиям.

Чтобы сформировать творческий потенциал личности и дать возможность ему проявиться необходимы затраты, и причем немалые, вложенные в воспитание и образование, во всю инфраструктуру жизнеобеспечения общества. Гения не рождаются, ими становятся, и становление это требует огромного количества усилий, энергии, средств, как от самого будущего «гения», так и от общества заинтересованного в его появлении, и, причем не в единичном экземпляре, а в массовом количестве. Человек должен чувствовать себя свободным и обеспеченным, хотя бы на уровне элементарных жизненных потребностей. Он должен чувствовать потребность в своей работе со стороны общества, свою нужность и необходимость этому обществу, должен видеть перед собой цель, тогда он способен творить чудеса. Он не должен бояться за свою жизнь и жизнь своих родственников. А это все в капиталистическом обществе могут позволить себе лишь немногие. Капиталу, по большому счету, не нужно общество гениев. Кто тогда будет работать? Из кого тогда получать прибыль? Неслучайно поэтому, постиндустриалисты, понимая на эмпирическом уровне эту проблему, говорят об увеличении материального благосостояния и повышение социального статуса только у высшего класса, что приводит, в свою очередь, к становлению в его недрах системы мотивов деятельности, имеющей исключительную «постматериалистическую» природу. Ну, с «высшим классом» творцов все понятно. Они и в индустримальном обществе чувствовали себя неплохо и не особо переживали за природу мотивов своей деятельности. А вот, что делать с «низшим классом» – непонятно. Разве, что описывать в выражениях Ж. Бодрийяра, считающего, что «...низший класс представляет собой некую анонимную массу, не способную даже выступать в качестве самостоятельного субъекта социального процесса» [3, с. 207].

Полностью уйти от деления общества на классы постиндустриалистам не удалось. Их теория предполагает наличие трех основных групп. Первая группа – это господствующий класс, трактуемый как класс технократов. Вторая группа состоит из представителей среднего класса – квалифицированных работников и низших менеджеров. В третью группу включаются представители низшего класса – работники физического труда, не способные

«вписаться» в высокотехнологические процессы. Это представители отмирающих профессий, а также те, кто оказался на обочине происходящих преобразований. Таким образом, базой для социальных различий становится интеллектуальный уровень человека и его способности. Причем абсолютно не выясняется, откуда берутся эти способности, вследствие чего, как развиваются, реализовываются или утрачиваются, например, деградируют. Вся эта сфера покрыта мраком. Есть способности – ты хозяин жизни, нет – на обочине и все тут. Собственность в постиндустриальном обществе рассматривается как неотчуждаемое право на способности человека, а также на систему информационных кодов, доступную лишь избранным. Хозяевами постиндустриальной жизни, поэтому, становятся те, кто осознал в качестве наиболее значимой для себя потребности реализацию нематериальных интересов. Они обретают внутреннюю свободу и становятся субъектами «независимых отношений».

Да, если бы так все просто было – осознал и стал свободным (хоть и внутренне, хоть и не все сразу, а только избранные, пока). Только сегодняшний конфликт лежит не между экономически мотивированной частью общества и мотивированной не экономическими, а между миром собственности и миром наемного труда, который на него работает. А противоречие это обострилось на современном этапе потому, что мир собственности оказался в кризисе. И тут выяснилось, что сложились такие условия, при которых он не может прокормить своего наемного раба.

Кризис выяснил, неоднозначное положение людей, которые контролируют потоки информации и знаний – важнейшие составляющие постиндустриального мира, по мысли самих постиндустриалистов. Эти люди, которые полностью находятся в данной сфере, и которая стала их способом жизнедеятельности и даже смыслом жизни, считали себя главными в социальной иерархии. Они думали, что от них зависят темпы и характер социального прогресса. Они уже нашли для себя и в большинстве своем заняли места, где бы они могли само реализоваться и внутренне совершенствоваться, за приличную оплату, конечно же. Они мыслили себя за пределами эксплуатации и экономических мотивов. Они думали, что им любые проблемы по плечу. Достаточно только в нужном русле перенаправить информационные и финансовые потоки и кризис исчезнет сам по себе. Все опять, стройными рядами, начнут двигаться к светлому постиндустриальному обществу. Достаточно только написать хорошую программу и система сама начнет настраивать себя.

А тут вдруг выясняется, что не так все просто. Кризис, несмотря на гигантские финансовые вливания, никак проходить не собирается. Что у него, оказывается, есть волны, которыми он захлестывает все и вся. И, что оперирование информацией, знаниями, словесными формами, контекстами, парадигмами и т. д. даже самыми правильными, значащими или «сакральными» – не решает проблемы. Противоречия мира собственности медленно, но уве-

но продвигают его к собственной катастрофе. И не в знаниях дело. Просто пришло время миру собственности платить счетам. За эксплуатацию, за игнорирование проблем большинства населения, за свою оторванность от реальных проблем и неспособность их решать.

Конечно, гораздо легче представить дело так, будто одна «высшая» социальная группа «прозрела» вдруг и вышла за пределы эксплуатации, антагонизма, неравенства. А те, кто там остался, оказываются в противоречиях с ощущением угнетенности. Задача теперь, мол, и остальных просветить, чтобы и они осознали, что не следует зацикливаться на материальных (т.е. денежных) стимулах и следуя работать бесплатно, за идею самосовершенствования и самореализации, например. Только вот, что делать тем, кому негде бесплатно поработать – непонятно. А безработица все увеличивается и увеличивается, особенно во время кризиса. Выясняется, что капиталу выгоднее держать в полуголодном и бездеятельном состоянии резервную армию безработных, нежели чтобы они хоть что-нибудь делали, хоть чем-то были заняты, хоть как-то самореализовывались. Пусть деградируют, воруют, идут в тюрьмы, сходят с ума, «идут на иглу» – какая разница. Лишь бы не работали. А то куда потом произведенную продукцию девать? Итак, все рынки завалены.

Не говоря уже о том, что сама по себе идея самосовершенствования, в современных условиях, является довольно призрачной. Поскольку не может быть самосовершенствования в несовершенном мире. Такой совершенный одиночка, глядя на свое окружение, всегда будет чувствовать себя ущербным. Главное здесь, как говорится, «остается за кадром». Идея убирання из повестки дня вопроса об оплате труда – всегда на руку капиталу. Поэтому она и культивируется в современных условиях кризиса. Это по сути застенчивование того факта, что капитал как и прежде, как и сто и тысячи лет назад, питается дармовым, неоплаченным, живым трудом. И чем его больше, тем капитал живее, и тем радужнее его перспективы. Поэтому, первая заповедь современных экономистов, политологов, социологов, философов, позиционирующих себя как «независимых» и действующих, по сути, в интересах капитала, звучит так: «не говори об эксплуатации!». Дело представляется, таким образом, будто каждый получает за свой труд, капиталист – доход, а рабочий – зарплату. И нечего здесь больше выяснять. Чувствуете себя ущербными, несчастными, неудовлетворенными? Это ваше личное дело, занимайтесь самосовершенствованием! Демократия и рыночная экономика – несовершенны, но лучшего человечества не придумало. Поэтому, начинайте с себя!

Процесс производства и распределения совокупного общественного продукта контролируется в современном мире как раз такими группами нематериалистически (денежно) ориентированных людей. Проблемы мотивации они уже для себя решили и в силу действия стоимостных отношений, а также разделения труда оказались на вершине социальной иерархии под покровительством

капитала. Хоть они и не определяют (по крайней мере, на словах) в качестве своей цели – обогащение, тем не менее, этот новый высший класс технократов получает за свою деятельность именно деньги. В виде заработной платы, дохода от акций и других ценных бумаг, разного рода бонусов, премий, дивидендов, надбавок за «хорошую» работу и т. д., а с ними и власть, положение в обществе, и соответствующий жизненный уровень, уровень потребления и тому подобные уровни. И все это, в конечном счете, предстает в виде платы за «оболванивание» убогих и сирых, тех, кто поставлен системой разделения труда на низшие ступени социальной лестницы. Этим «несчастным» мастерски внушили «люди сверху», что они, оказывается, не обладают способностями, необходимыми при использовании высокотехнологических производств. У них нет соответствующего образования, позволяющего развивать такие способности. И при этом, стыдливо умолчали о тех самых материальных (денежных) барьерах на пути обретения данного образования. Что они вообще родились не в тех странах, и поэтому обречены, вечно решать задачи элементарного выживания. И все это потому, что они ограничили себя, свое мировоззрение, только лишь материальными целями. А вот если бы они ориентировались на нематериальные цели, на самосовершенствование, работали не покладая рук и не спрашивали об оплате, тогда бы и успех пришел сам собой. И никто не говорит, что в силу закона стоимости, они уже обречены на это свое униженное положение, вырваться из которого им уже не удастся до конца жизни. Поскольку капиталу, на определенных этапах своего развития, в определенных фазах экономического цикла, необходимо определенное количество определенного качества наемной рабочей силы. Для капитала без разницы будет это тот или иной человек в его неповторимой индивидуальности или особенности, ему важна общественная система, которая бы обеспечивала его существование и развитие. Ему необходимо определенное количество квалифицированных менеджеров (управленцев, технократов), которые бы управляли этой системой. А также определенное количество резервной армии – безработных, смиренно ждущих своей участи и живущих какое-то время, если повезет, ни подачки в виде разнообразных пособий и компенсаций, – эти должны питать систему в нужный момент живым трудом и не дать ей возможности простоять. На самый верх общественной лестницы прорываются единицы, их рекламируют и показывают по телевизору, о них пишут в газетах и журналах, к ним намеренно приковано общественное мнение. На «дно» падают десятки и сотни, особенно во время кризиса, эти неудачники увеличивают статистику суицидов, их именами пестрят криминальные хроники, о них предпочитают не говорить в «приличных обществах». Тысячи еле-еле сводят концы с концами, из кожи вон лезут, чтобы не опуститься на общественное «дно» и не стать в очередь за бесплатной похлебкой. Миллионы пребывают в нищете и безысходности. Они рады хоть какому-то заработка и чувствуют себя счастливыми, если удалось сытно поесть. И вся эта гар-

мония общественной пирамиды свидетельствует о том, что капиталистическая система живет и здравствует по сегодняшний день, облачаясь в тогу «общества равных возможностей».

В это самое время, очень важно забить голову этим несчастным и обездоленным теоретическими опилками вроде того, что каждый является кузнецом своего счастья. Каждый индивид – уникален, его потребности несравнимы с другими и он должен, поэтому, в одиночку бороться за свое самоусовершенствование, за свое индивидуальное счастье. Он должен само развиваться до такой степени, чтобы его заметили там «на верху» и взяли к себе, в свою счастливую компанию «яйцеголовых» технократов, которые уже отмечены «божьей благодатью». Только так он станет частью элиты, обладающей исключительными, уникальными качествами, не обусловленными внешними факторами – представителем высшей социальной страты. И невдомек бедняге посмотреть по сторонам. Сколько там, таких как он недозревших до высших социальных слоев болтается без дела и не знает, куда себя приткнуть. Неужели они все такие «неумелые», «непонятливые», «неудачливые» на ниве борьбы за свое «уникальное», индивидуализированное счастье? Почему они не сформировали из себя представителей высшей социальной страты? Ведь они все, формально, в равной степени имели возможность доступа к информации и знаниям. Этим наиболее демократическим, по мысли постиндустриалистов и постмодернистов, источникам власти. А наши идеологи уже тут как тут, с их точки зрения, доступ к знаниям и информации это еще не обладание ими. Оказывается, есть сущностные отличия внутреннего потенциала различных членов общества, которые можно искать до бесконечности. Где угодно – в генах, хромосомах, белках, молекулах, во Вселенной и т. д. До бесконечности, до «дурной» бесконечности, в логическом смысле, по Гегелю [1, с. 232]. Поскольку, как писал Э. В. Ильинков «...любая частная цепочка причинно-следственных зависимостей уводит исследователя в «дурную» бесконечность всего прошлого бесконечной Вселенной» [2, с. 389]. И уже по истечении определенного времени, как раз во время кризиса, когда в одной очереди за бесплатным супом или на биржу труда оказываются как «белые» так и «синие» воротнички, как технократы, так и простые рабочие, программисты, архитекторы, пиарщики, журналисты, финансовые менеджеры и т. д. Как талантливые, так и не очень, уникальные и посредственные, – тогда только приходит осознание, что не в знаниях дело. И не в информации, а во всеобщей капиталистической системе наемного труда. В противоречиях, которые в этой системе уже созрели и требуют своего разрешения. В собственности одних и нищете других. В господстве и подчинении. В капиталистической организации общества.

Общественно-экономические кризисы расшатывают капиталистическое общество. Они срывают занавес, сотканную из идеологических наслойений и показывают подлинное основание этого общества. Кризисы вскрывают основное противоречие социальных сил,

которое бурлит и требует своего разрешения. Разрешение этого противоречия и возникновение предпосылок нового общества, составляет на данный момент содержание современной переходной эпохи. Трудность определения нового общества, элементы которого зарождаются в недрах капитализма, связана с трудностью раскрытия характера его становления, выявления его движущих сил и противоречий. Становление нового общества проявляет свою всеобще-общественную природу, которую определить в данный конкретный момент не так-то просто. Оно сравнимо по своему масштабу разве что с гигантским периодом перехода от первобытно-общинного строя к классовым обществам. С капитализмом классовые общества прекращают свое существование, отживаю и уходит в прошлое классовая предистория человечества и возникает бесклассовое общество. Происходит переход к подлинной истории развития человечества в целом и каждого индивида в отдельности. Без господства и подчинения, без насилия и эксплуатации, без войн, конфликтов и кризисов. Здесь же происходит переход от капиталистического способа производства к общественному способу производства, происходит переход к совершенно другому, качественно новому основанию общественного развития и по характеру, и по средствам, и по целям. Сложность и длительность протекания данного переходного периода связана с тем, что здесь проходит становление и апробирование совершенно новых, качественно новых, не имеющих аналогов в прошлом принципов формирования и функционирования нового общества. А становление нового всегда болезненно, всегда проходит в сомнениях и штаниях, в борьбе противоборствующих сил и тенденций. Поэтому данный переходный период содержит великое множество отступлений, переосмыслений, так сказать, зигзагов истории и в свою очередь, содержит в себе большое количество уже своих собственных переходных периодов, как в прямом, так и в обратном направлении.

Переходные периоды в общественном развитии не проходят гладко. Отживающие классы яростно цепляются за власть. Стараются всеми способами, правыми и не правыми, продлить свое существование, продлить свое господство. С другой стороны, вновь рождающиеся социальные силы, которые хотят жить по новому, не хотят работать на других, быть униженными и оскорбленными, не хотят быть ни чьими рабами, будут неуклонно идти к своей цели, не взирая на поражения, отступления и жертвы. Поэтому, с большой долей вероятности можно сказать, что мы еще будем свидетелями и прямыми участниками уникальных общественных действий.

Бібліографіческі ссылки

- Гегель Г. В. Ф. Наука логики [Текст] / Г. В. Ф. Гегель // Энциклопедия философских наук. – М. : Издательство социально-экономической литературы «Мысль», 1974 г. – Т. 1. – 233 с.

ISBN 978-966-551-310-0 Філософія і політологія в контексті сучасної культури

- Ільєнков Э. В. Філософія и культура [Текст] / Э. В. Ильенков. – М. : Политиздат, 1991. – 464 с.
- Іноземцев В. Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы [Текст] / В. Л. Иноземцев. – М. : Логос, 2000. – 304 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна [Текст] / Ж.-Ф. Лиотар; [пер. с фран. Н. А. Шматко]. – М. : Издательство «АЛЕТЕЙЯ», 1998. – 40 с.

Надійшла до редколегії 06.01.11

УДК 114/115

Л. Т. Швидун

Дніпропетровський обласний інститут
післядипломної педагогічної освіти

ДЕЯКІ АСПЕКТИ РЕФОРМУВАННЯ МЕТОДОЛОГІЧНИХ ОСНОВ СИСТЕМИ ОСВІТИ НА МОНІТОРИНГОВІЙ ОСНОВІ

Проаналізовано окремі аспекти модернізації системи освіти України в контексті європейської інтеграції, зокрема акцентується увага на впровадженні гуманітарної парадигми замість орієнтації на авторитаризм з притаманними йому етатизмом, саентистським підходом до світобачення. На основі поліаспектного, дихотомного аналізу освітньої системи не лише з позицій педагогіки, а й філософії освіти розглядаються проблеми сучасного уроку, освітнього простору та освітнього часу, обґрунтуються зміни теоретико-методологічних засад сучасної школи.

Ключові слова: сучасний урок, освітній простір, освітній час, якість освіти, моніторинг, авторитарна парадигма, гуманітарна парадигма, саентистський підхід, фасилітатор.

Проанализированы отдельные аспекты модернизации системы образования Украины в контексте европейской интеграции, в том числе акцентируется внимание на внедрении гуманитарной парадигмы вместо ориентации на авторитаризм с присущими ему этатизмом, саентистским подходом к мировоззрению. На основании полиаспектного, дихотомного анализа образовательной системы не только с позиций педагогики, но и философии образования рассматриваются проблемы современного урока, образовательного пространства и образовательного времени, обосновываются изменения теоретико-методологических принципов современной школы.

Ключевые слова: Современный урок, образовательное пространство, качество образования, мониторинг, образовательное время, авторитарная парадигма, гуманистическая парадигма, саентистский поход, фасилитатор.